

Лисса Рин

Лили на
воде

16+

Лисса Рин

Лилии на воде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56269318

SelfPub; 2020

Аннотация

Каждый нефилим мечтает стать Хранителем, но исполнить свою мечту удастся лишь единицам. В числе которых неожиданно оказалась и я, заполучив поистине уникальный шанс пройти инициацию в Хранители в ходе выполнения совершенно пустячного задания. И вот теперь мне предстоит две недели путешествия на круизном лайнере в сопровождении моря, солнца и одного крайне дотошного ментора, который решил во что бы то ни стало сорвать мою инициацию.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

– Отпуск, говорите? Звучит... подозрительно, – я задумчиво перебирала бумаги с фотографиями, собранными в худосочной серой папочке с пометкой «Сопровождение. Одобрено».

– Ты хотела сказать «Заманчиво»? – без особой надежды уточнила моя куратор Ваниэль Гринс, полная Хранитель с добродушной улыбкой и хищным взглядом только что инициированного ангела.

– А разве сопровождение не входит в обязанности Хранителей? – устало поинтересовалась я, все еще пытаюсь разглядеть на фотографиях старательно от меня скрываемую хитрую морду подвоха.

– Которой ты очень хочешь стать, если я не ошибаюсь.

– У меня инициация через неделю, мне бы подготовиться, – я предприняла еще одну попытку увильнуть от свалившегося, как сумеречный туман на озеро, задания.

– Это и станет твоей инициацией, дорогая. Благодаря нашей замечательной программе поддержки одаренных студентов, ты удостоена прекрасной возможности пройти инициацию в процессе выполнения несложного задания, с которым способен справиться даже неаттестованный. Одной из лучших выпускниц Института, коей ты являешься, вовсе незачем подтверждать свои несомненно блестящие знания на обычном экзамене.

– Слишком просто, – покачала я головой, уже заинтересованно поглядывая на sereneкий «пропуск» в столь вожде-

ленный статус Хранителя.

– Поэтому иначе, нежели отпуском, это задание и не назовешь, – показала мне половину своих ангельских зубов Ваниэль и встала, поставив тем самым точку в разговоре.

– Скорее, командировка, – моя гордость, приправленная неумным перфекционизмом, потребовала оставить слово за собой, в то время как серенькая папочка уже незаметно переключивалась ко мне в руки.

Четыре года обучения, три стажировки – и всего один день на размышления.

Глава 1

Ретивый и по-весеннему свежий ветерок, запутавшись в изумрудных занавесках, разносил по небольшой и уютной кухоньке чарующий аромат свежесваренного жасминового чая, дарующего успокоение и надежды на скорое исполнение заветной мечты.

– Отпуск, значит, – протянула я в пустоту, собирая густые золотистые волосы в высокий и строгий пучок, который не раз становился объектом насмешек моего лучшего друга Натаниэля, смешливого весельчака, чья копна вьющихся волос цвета спелого пшена свела с ума не одну девушку нашего потока. Я, кстати, в этом тоже преуспела: о моих сводящих с ума придирках и дотошных вопросах по потоку ходили легенды, которые один не шибко умный нефилим обозвал «страшилками нашего кампуса».

– А по-моему, отличный шанс избежать нудной подготовки к инициации, – радостно возвестил о своем появлении Натаниэль и тут же потянулся к хрустальной вазочке с конфетами. – Не понимаю, чем ты недовольна, Эль?

– Нил, я же просила пользоваться дверью, – я слегка поморщилась и потянулась к любимой чашке с мастерски нанесенным рисунком веселого черепа, глазницы которого время от времени сверкали дивными алыми всполохами. В точности, как и мои глаза в период наивысшего пика обуреваемых

мною чувств. Неудивительно, что мы с чашкой сразу подружились!

Я надела очки в тонкой оправе, погасив тем самым алый блеск своих глаз. Череп на кружке презрительно фыркнул и протестующе вспыхнул багровым огнем. Ну милашка же! Насколько помню, никто эту чашу ясноглазую покупать не хотел – больно уж страшная. А мне вот она сразу пришлась по душе – отлично отпугивает жадные до халявы рты. Правда, некоторые рты с годами выработали иммунитет.

– Будешь? – я протянула Натаниэлю «черепную» кружку с чуть остывшим чаем.

– А зарядкой поделишься? – хитро блеснул небесными очами бывший однокурсник и отхлебнул из кружки. Череп возмущенно завыл. – Фу, Эль, ну вот что ты имеешь против нормальной кухонной утвари, не издающей замогильных стонов? – поморщился Натаниэль и быстро поставил кружку на стол.

– Продукты экономит, – лаконично ответила я, чуть сдвинув очки на переносицу. И Натаниэлю стоило бы обратить на данный жест внимание. Но он не заметил, за что и заплатился.

– Не поня... ай! Отцепись! – теперь замогильные подвигания кружки разбавились гневной руганью и болезненными вздохами Натаниэля, скачущего по кухне в безуспешных попытках снять с себя хищную вазочку, не оставив при этом в этой самой вазочке свои пальцы. – Забери эту чертову пи-

ранью, Эль!

– Как скажешь, – ласково произнесла я и погладила вазочку, которая тут же с утробным урчанием послушно опустилась ко мне в руки. Я осторожно заглянула внутрь и с облегчением вздохнула: пальцев там не оказалось.

М-да, полагаю, пора оставить надежды, что кличку «мисс Носферату» я получила исключительно из-за строгого пучка и неумной фантазии однокурсников, неспособных оценить истинное наслаждение от идеально вызубренного предмета. Пора признать, что мои пристрастия действительно несколько необычны, если не сказать точнее – эксцентричны. И это я еще молчу про тонкий слой черного юмора, в который я щедро макаю каждого, кто изволит с пренебрежением относиться к моим успехам. Ну а цвет моих глаз, что не присущ ни одному уважающему себя ангелу, стал лишь завершающим аккордом для приклеивания на меня таблички «Осторожно! Экземпляр крайне ядовит!».

– Да какой из тебя Хранитель? – нудил блондин, осторожно растирая конечность, подвергшуюся покушению на откусывание. – Кого ты опекаешь собралась, если даже лучших друзей толком убережешь не в состоянии?

– А кто убережет мои запасы от голодных лучших друзей? – я ласково погладила вазочку, с одобрителем мурлыканьем выплюнувшую мне на ладонь парочку шоколадных конфет, которые я бросила Натаниэлю. – Держи, оглоед.

– А зарядку? – быстро уточнил оглоед, запихивая обе кон-

феты в рот.

– Опять наказали? Что на этот раз натворил? – спросила я, про себя отметив, что совершенно не тянет обрушить на друга очередную порцию нотаций. Когда живешь и учишься бок о бок с ангелом, чья задница сама по себе – одно сплошное шило, поневоле начинаешь привыкать к любым его выходкам. Даже к таким, которые грозят отчислением на последнем курсе тому, кто, являясь сынком ректора нашего Института, по идее, вообще не должен знать о существовании слова «отчисление»!

– Обифаешь, Эй..гх-ф! – надулся сынок ректора, а впрочем, допускаю мысль, что раздулся он вовсе не от обиды, а от одновременного пребывания во рту двух конфет. – Пвосту у нофого куватова с гофоловой пвохо.

– Новый куратор? А старого кто съел? – я многозначительно посмотрела на его жующую моську и усмехнулась.

На месте Совета Небесных, я меняла бы ему кураторов гораздо чаще, чем раз в полгода – для их же безопасности. Если не ошибаюсь, дольше всех продержался только первый, который был у Нила еще до обучения в Институте, но из-за какой-то мутной истории в подлунном мире он от кураторства отказался. И хотя я с ним лично не знакома, но, судя по восхищенным рассказам Натаниэля, он стал для моего друга кем-то вроде кумира.

– Так что насчет зарядки? – улыбнулся во весь свой шоколадно-конфетный рот белобрысый ангел, и я больше не стала

топтаться с вопросами по его больной кураторской мозоли.

– Сколько осталось?

– Метров десять полета.

– Или полчаса свободного парения, – прикинула я в уме оставшийся заряд и дружелюбно махнула рукой на окно. – Отлично! Как раз хватит спуститься, не используя дверь. Все, как ты любишь.

– Какой же ты друг после этого?

– Кровожадный, – с готовностью ответила я, примеряя легкий серебристый плащик. После минутного раздумья я накинула капюшон, спрятав в его заколдованном сумраке лицо.

– Волнуешься? – внезапно посерьезневший Натаниэль подошел очень близко, пристально заглядывая под капюшон, а затем резким движением откинул его мне за спину. – Ты справишься, Эль. Даже не сомневайся в себе. У тебя всегда все получалось, и этот раз не исключение. А когда пройдешь инициацию и сможешь доказать всем, что нефилимы тоже способны стать Хранителями, у тебя появятся настоящие крылья. Только представь, Эль, собственные крылья! Больше никаких браслетов, никаких отчетов. Только свобода!

– Мне страшно, Нил, – прошептала я, уронив голову на грудь лучшего друга, одного из немногих, кто, обладая статусом ангела с рождения, не побрезговал связать себя узами дружбы с нефилимом. И единственного, с кем я поделилась

новостью о предстоящем «отпуске», как только вышла из кабинета куратора.

– Ты справишься, Эль, – ласково повторил ангел, уверенно сжав мои плечи. А затем игриво щелкнул по носу, отчего мои очки лихо съехали на переносицу. – Ну же, веселей! Где та славная и дотошная мисс Носферату, держащая в страхе весь поток?

– Все еще здесь, – я едва слышно шмыгнула носом, чувствуя, как он крепко сжимает мои ладони. – Спасибо, Нил, за то, что в трудную минуту всегда рядом, поддерживаешь и... ты ведь сейчас тыришь мою зарядку, не так ли, – я не спрашивала, ибо ощутила знакомую вибрацию лётного браслета, к которому незаметно «присосался» такой же браслет приятеля.

– Я не тырю! – возмутился Натаниэль и тут же потупил взор. – Беру займы.

С минуту я внимательно вглядывалась в его наглуую моську, а затем тихо прошипела.

– Куси его!

– Эль? – побледневший ангел быстро обернулся на подозрительно шуршащий звук позади— и вовремя: на него стремительно неслась плотоядно настроенная вазочка. Натаниэль не стал рассыпаться в нелестных эпитетах и проворно шмыгнул в окно.

– Пока, Нил! – воскликнула я и поспешила к чаю, который изрядно остыл, но при этом не утратил дивный аромат

и вкус.

– У-у-у, Носферату! Мы еще... уйди! Пошла прочь! Ай, уберите ее кто-нибудь! – до меня все еще доносились глухие вопли побеждаемого в неравной схватке приятеля, а я тем временем распахнула серую папочку и... тут же ее закрыла. А затем на секунду приложила палец к браслету и, поморщившись, провела мизинцем по корешку папочки, оставив багровый след, который тут же растворился, окрасив серый пластик в алый. На корешке теперь значилось отчетливое «Сопровождение. Принято к исполнению».

Ничего сложного – просто оставаться рядом с подопечным на протяжении предстоящих двух недель, пока его Хранитель не пройдет переаттестацию. Наблюдать, охранять, в случае непредвиденной ситуации – связаться с оперативным отделом и своим куратором. Все просто!

Я в десятый раз провела ладонью правой руки по левому запястью, где значительно отягощали мое существование ненавидимые любым нефилимом браслеты: небесно-голубой – лётный, с зарядом, позволяющим бескрылым нефилимам летать, в то время как ангелам такая возможность дана с рождения. Если, конечно, им не ограничивают эту самую возможность в качестве наказания, как, например, периодически достается моему шилозадому другу. В таком случае в игру вступает красный браслет-ингибитор, который как раз и ограничивает силы и способности небесных – как ангелов, так и нефилимов – как санкция за нарушение об-

щепринятых законов и норм. А еще эта бордовая сволочь периодически «ненароком выходит из строя», ограничивая нефилимам (только нефилимам!) возможность использовать свои силы и сокращая количество воплощений до минимума. Почему только нефилимам и кто отвечает за сбои – вопросы, очевидно, риторические, на которые Советом Небесных разработана целая невербальная система, включающая изящное пожимание плечами и элегантный уход от ответа.

Несмотря на очевидно малопривлекательный функционал, есть у ингибитора и второе назначение, куда полезнее первого – способность приглушать при воплощении в человеческом обличье эмоции, а также чувствительность рецепторов и сенсорной системы человека, что для безэмоциональных в большинстве своем ангелов настоящее спасение. Впрочем, в последнее время эти крылатые и так не сильно напрягаются, стараясь на заданиях обходиться без воплощений.

Наличие третьего зеленого браслета-передатчика, позволяющего моему куратору отслеживать мое местоположение, значительно приподняло боевой дух – все будет в порядке! Я отлично подготовилась. И непременно справлюсь с таким простым поручением!

Будь оно на самом деле простым.

Это задание не было обычным, иначе его не стали бы поручать нефилиму-стажеру, пускай и с безупречной репутацией.

Считала ли я себя одной из лучших студенток своего потока? Несомненно! Верю ли я в высшую справедливость, которая могла бы позволить лучшему выпускнику и прилежному стажеру посредством обычного отпуска сменить статус? Тот, кто хоть раз слышал с каким сарказмом я задаю подобного рода вопросы, терял аппетит и впадал в уныние на неделю. Собственно, поэтому меня и прозвали Носферату.

И все же, если это задание, грозящее стать самой провальной ошибкой за всю историю нефилимов, дарует хотя бы призрачный шанс на обретение вожделенных крыльев, значит, так тому и быть.

Игра стоила всех покаянных свеч.

«Подопечная – Лорейн Вильямс, двадцать шесть лет, старший следователь по особо важным делам отдела криминальных расследований...»

Я уверенно прокладывала себе путь к горам, разрезая плотный сумеречный воздух, туманом клубившийся у водной глади. Браслет мигал, напоминая о скором окончании лётного заряда. Жмоты! Как стажерам-ангелам, так заряда отсыплют столько, что хватило бы на совершение кругосветного путешествия до ада и обратно. И то эти крылатые вечно недовольны! А нефилиму даже жалкие крохи отмеряют со скупой точностью, только бы несчастный не удумал вернуться в подлунный мир. Несправедливо!

«...обладает широким кругозором. Уровень самоконтроля и коммуникативных способностей достаточно высок, владеет практическими навыками по нейтрализации конфликтных ситуаций. В служебном коллективе пользуется авторитетом...»

Я прищурилась, пытаюсь разглядеть вспыхнувшие на горизонте огни. Отраженные и изломанные водной гладью, они бликовали и искрились, точно живые, и поэтому ничего удивительного, что мне не сразу удалось сообразить: то не город прибрежный подпирает темные небеса, а самый настоящий круизный лайнер, на огни которого летел алоокий мотылек в серебристом плаще. Огромный такой мотыль с хищной ухмылкой и твердым намерением пробить себе место под небесами.

«...демонстрирует открытую нетерпимость к поверхностному мнению, лицемерию и лжи. В качестве хобби предпочитает чтение и приготовление пищи. Подвержена частым простудным заболеваниям, что тщательно скрывает. Не переносит лактозу...»

Лётный браслет завибрировал и погас как раз в тот момент, когда я устремила вертикально вверх, не долетев до лайнера каких-то двадцать метров. Я натянула капюшон на

голову и «легла» на спину, позволив лунному свету заключить мое тело в холодные объятия. Насладившись чудесным видом бесчисленной звездной россыпи, я сменила положение на строго вертикальное и стремительно понеслась вниз головой, с подступившей тошнотой ожидая предстоящего перехода. Воплощаться в человеческом теле я не любила. Но еще больше ненавидела переход из сумрачного мира в мир человеческий. Это все равно что быть затянутым в воронку разгулявшегося торнадо. Мутит потом еще несколько часов. И это в лучшем случае. В худшем – может еще и побочными эффектами сверху приложить в виде дезориентации и онемения тела с отключением рецепторов зрения, слуха и самоидентификации. Чтобы в следующий раз неповадно было.

Я вытянула руки вперед и зажмурилась, буквально за несколько секунд до перехода разглядев в мутном водном зеркале бледное девичье лицо с алым взором.

Удар. Всплеск. Водоворот... и я практически вывалилась на мягкий ворс коврового покрытия маленькой даже по меркам нефилима каюты. Еще минуту рефлекторно сплевываю забившуюся в рот влагу и неуверенно встаю на дрожащие ноги. Шатает меня недолго, а вот качать теперь будет все две недели предстоящего круизного плаванья. А все потому, что я непреднамеренно воплотилась в человеческом теле!

Что ж, теперь хотя бы стало понятно, почему ни один Небесный, что ангелы, что нефилимы, не любит воплощаться в человеческом теле, погружаясь в пучину мирских

чувств и страстей. Как правило, при выполнении заданий ангелы стараются обойтись без лишних крыльедвижений и воплощений, предпочитая оставаться отрешенными наблюдателями, лишенными волнующих внутреннюю пустоту душевных мук. Эдакие бесчувственные холодные истуканы, основная задача которых состоит в том, чтобы наделить душу смертного благодатным огнем и привести его к свету. Которого, сами в большинстве своем, лишены. Ни света, ни тьмы, ни сердца, ни души. Они называют это небесной гармонией. Я же вижу лишь пустоту, не способную на любовь и сочувствие.

И во что бы то ни стало стремлюсь стать такой же!

Я очень медленно встала и, пытаясь обрести равновесие, аккуратно сделала пару шагов. Как же тяжело, оказывается, быть человеком!

Разумеется, вся теория относительно пребывания в человеческом теле была вызубрена мной вдоль и поперек еще на первом курсе. Но то теория! А вот воплощаюсь я в человеческом мире впервые. И ощущения, испытываемые мною сейчас, уж точно не идут ни в какое сравнение с практически попытками воплотиться внутри Институтского испытательного полигона, сверху до низу нашпигованного ингибиторами, которые на корню глушили все, что могло, по мнению ректората, навредить нежной ангельской психике. Нежная ангельская психика этого не оценила и, счастливо размахивая зачетными корешками после сдачи зачета по вопло-

щениям, с гиканьем и улюлюканьем устремилась в ближайший бар, дабы отпраздновать приобретение важнейшего в жизни каждого ангела опыта.

О нулевой ценности которого я узнала спустя целых три года и в самой отвратительной манере. Меня будто ослепило, оглушило, да еще и тяжелым мешком сверху прибило. Столько новых, ранее незнакомых ощущений и чувств, – и все навалились разом. Я с изумлением рассматривала свои дрожащие руки, отяжелевшие ноги и прислушивалась к гулким ударам собственного сердца... а потом зашлась в кашле. Оказывается, просто стоять с широко распахнутым ртом недостаточно, нужно еще не забывать дышать время от времени.

И как вообще в таких невыносимых условиях люди умудряются дожить до преклонных лет? Поразительные существа!

Слегка пообвыкнув к новой оболочке, я растерянно осмотрелась: во мраке пустующей каюты цепкий взгляд выхватил небольшой столик, кровать со смятой горкой покрывал и небольшое зеркало, из которого я, собственно, и вывалилась. Молодцы, кураторы! Не поскупились на апартаменты для нефилима: чтобы устроиться с комфортом, мне всего-то и нужно, что согнуться в три погибели, предварительно отрезав пару лишних конечностей! А поскольку врожденной гуттаперчевостью я не обладала – о чем быстро напомнила справедливо не считавшая себя лишней конечностью голова

– стало очень грустно.

Едва слышно фыркнув, я поспешила к выходу... и споткнулась о чью-то спортивную сумку. Прокатившись кубарем по каюте, я метко и с гулким треском впечаталась в дверь.

– Бес бы ее... чтоб вас... ее, – попыталась припудрить налетом вежливости излюбленное выражение и осторожно встала, втайне надеясь, что вмятина от столкновения осталась на двери, а не на моей бедовой голове, пучок на которой, к слову, претерпел изменения в пользу стиля «свободу петухам».

А затем запоздало пришла боль, и меня всю перекосило! Если бы мне кто на первом курсе сказал, что при воплощении и принятии всей гаммы людских чувств я испытаю нечто подобное, я бы пошла работать в Сумрак, к Искусителям. Нет, серьезно, становиться Хранителем, чтобы добровольно испытать вот ЭТО?!

«О, да, несомненно да! Заверните, и про бантик не забудьте!» – мой перфекционизм погрозил пальцем, а комплекс отличника еще раз напомнил обо всех привилегиях, которые я заполучу, обретя статус Хранителя. Даже если привилегия всего одна – уважение. И ради него нефилим пойдет на все, буквально выпрыгивая из своей эфемерной сути.

Потирая ушибленные выпуклости и беспрестанно шепча непотребные обороты, я мстительно пнула беспардонную сумку и поспешила к зеркалу. То, что начало миссии не за-

далось, меня нисколько не огорчило. Мне и в подлунном мире не сильно-то везло, раз выкинули оттуда в юном возрасте, что уж говорить про небеса. Глупо было надеяться, что нефилиму позволят беспрепятственно пройти инициацию, и первый «случайный» сбой в виде непреднамеренного воплощения в явно чужой каюте вызвал разве что скептическую ухмылку. Ну и боль в макушке. А еще ссадину на ладони и царапину в сердце от надломленной гордыни. И я не смогла отказать себе в удовольствии от всей души еще раз пнуть злосчастную сумку, в которой что-то жалостно хрустнуло.

Не беда. Раз меня, ввалившуюся в этот мир из ниоткуда, никто не видел, значит, ничего страшного не случилось. Пока не случилось. Если поспешу развоплотиться обратно в бестелесный дух и найти свою подопечную до того, как засверкает ингибитор в ожидании первого отчета – можно будет поздравить себя с удачным почином! А для этой цели мне всего-навсего нужно отражение.

Я протянула руку к неопрятному и замутненному малопривлекательным налетом зеркалу в ожидании знакомых упругих ощущений. Которых не последовало. Раз за разом я прикасалась к шершавой зеркальной поверхности лишь затем, чтобы поскрести налет не самым модным маникюром.

Тэк-с, насмешка судьбы, похоже, превратилась в хищный оскал. Ладно, и не таких брали!

Подышала на стекло, затем попыталась протереть каю-

шоном воплощенной байки и даже поскребла любимым перочинным ножиком, оставив на зеркале приличную писагу. Но зеркало оставалось непреклонно, напрочь отказываясь пропускать меня на ту сторону.

Я озадаченно почесала ножиком в затылке и снова поспешила к двери, уже привычно и почти любя пнув чужую сумку. Разумеется, воплощенной мне не удалось пройти сквозь дверь, не говоря уж о том, чтобы подручными средствами отпереть электронный замок. Хотя, думается, Натаниэлю подобная выходка не составила бы труда.

Еще раз осмотрела каюту в поисках иного выхода и тут же хлопнула себя по лбу – санузел! Там наверняка есть еще одно зеркало!

Которое встретило уже знакомым серым налетом.

Так-так, как любил говорить Нил про пересдачи, что-то явно пошло не так. И это «не так» изрядно осложняло и без того непростую задачу. А затем и вовсе злыдня-судьба решила одарить меня неслыханной благодатью: пока я костерила неряху-постояльца и заодно весь персонал круизного лайнера, за дверью слышались чьи-то тихие шаги. Я замерла – и в мутном отражении несговорчивого зеркала вспыхнули угольки испуганных глаз.

Отлично! Превосходно! Завалить миссию, которая еще даже не началась, – это еще суметь нужно! То-то Совет Небесных обрадуется и издаст очередной Указ, вводящий запрет на инициацию нефилимов на ближайшие пять-де-

сять-многонадцать лет.

Я в панике заметалась по крохотному санузлу, затем выскочила в каюту, где снова поприветствовала носком кроссовки уже ставшую такой родной сумку. Так, что там говорилось в Инструкции по поводу внештатных ситуаций? Закончился лётный заряд? Не то! Не устанавливается связь с подопечным? Опять мимо! Проблемы с крыльями? Это вообще для ангелов! А для нефилимов, видимо, пункт один, да и тот последний: если что-то пошло не так – смиритесь, вас все равно не иницируют.

А нет, стоп! Параграф тридцать девять, пункт пятнадцать: *«...если и третья попытка воплотиться закончилась неудачей...бла-бла... немедленно предоставьте свой ингибитор в отдел технических разработок и безопасности на диагностику...»* Чудесно! А прецедент с развоплощением, полагаю, в эту инструкцию внесу уже я? Если мне вообще удастся из этого прецедента выбраться.

Кто-то по ту сторону двери осторожно повернул ручку.

И тут в моей голове забрезжил не то свет в конце тоннеля, не то мысль, и я стремительно рванула обратно в санузел.

Для перехода в наш мир и для перевоплощений нам подходят не только и не столько зеркала. Сойдет любая отражающая поверхность. Даже если ее образует столь ненавистная мною вода.

Я дернула ручку крана как раз в ту же секунду, когда электронный замок издал слабый писк, сопровождаемый едва

различным щелчком отпираемой двери.

«*Скорее!*» – я затаила дыхание, прислушиваясь.

Тихо прошелестела дверь, послышались осторожные шаги – и я, не раздумывая, опрокинулась навзничь в душевую, моля небо о том, чтобы лужа, которая успела там образоваться, позволила мне перевоплотиться. И скрыться от глаз смертного.

Знакомое сосущее чувство под ложечкой, тугое сопротивление, водоворот – и меня выплюнуло аккурат на залитую пестрыми огнями палубу судна, по которой степенно прогуливались пассажиры лайнера, совершенно не обращая внимания на лохматого, слегка помятого и совсем не слегка сердитого нефилима. Благо развоплощение все же свершилось, поэтому видима я сейчас только для своих, таких же Небесных. Мало мне и без того головной боли. Кстати об одной: удивительно, насколько меняются состояния между воплощениями! И как вообще люди умудряются жить в таком тяжелом теле, полном малопривлекательных процессов и болезней?!

«...предоставьте свой ингибитор в отдел технических разработок и безопасности на диагностику...»

По-хорошему, первым, что следовало сейчас сделать – это свернуть всю свою деятельность, затолкать задание в рюкзак, в котором уже лежит гордыня вперемежку с наивными чаяниями и верой в успех, и вернуться домой, предоставив пе-

ред этим ингибитор на доработку.

Но я не я буду, если не подключу все свое упрямство и желание довести начатое до конца. Даже если это будет вопреки здравому смыслу.

Я выпрямилась, гремя разномастными браслетами на запястье, точно неупокоенная душа – кандалами, и осмотрелась, подавив желание присвистнуть. Благо не умею.

Вокруг раскинулась завораживающая картина кипучей жизни, не ведающей, казалось, ни рамок, ни границ – от такого разнообразия лиц, огней и веселья у меня помутнело в глазах, и я машинально потянулась к переносице. Ах да, смертные меня не видят, а значит очки, предназначенные для приглушения непривычного для взора людей блеска наших глаз, мне не нужны! Пока не нужны.

Я слегка поморщилась. До чего же неорганизованные, эти смертные: крик, гам и детские вопли затекали, казалось, через уши напрямую в самый мозг, а суетливые и беспорядочно движущиеся тела уже давно бы вытолкнули меня за борт, не будь я развоплощена.

И среди всей этой праздной суеты резко выделялась миниатюрная фигурка коротковолосой девушки, которая стояла у самого края борта и курила. Взгляд девушки, время от времени стряхивающей пепел за борт, был устремлен вдаль, словно путешественница, по меньшей мере, пытается заглянуть за горизонт. Мне отчего-то нестерпимо захотелось подойти и присоединиться к безмолвному созерцанию, позво-

ляющему заглянуть в самую суть вещей.

Но я не успела.

Внезапно по всему моему телу прошла жаркая волна, завершив свое движение сомкнувшись на шее огненным кольцом, отныне являющимся моей связью со смертным. А если быть точнее, связью с той самой девушкой, что привлекла мое внимание.

Девушка едва уловимо вздрогнула и обернулась, глядя прямо на меня... или, по крайней мере, так бы это выглядело, будь я воплощена. Но даже понимание того, что для подопечной я незрима, не смогло оградить от малоприятных ощущений, описание которым можно найти в расхожем выражении – «видит насквозь». Такого пронзительного взгляда серых льдистых глаз я еще не встречала, а ведь мне в кураторы досталась одна из самых вьедливых и дотошных Хранителей, взгляд которой на раз убивал любую несанкционированную надежду на халяву. И как знать, после двух лет противостояния «смертоносному взору», возможно, и я приобрела такой же. Это хотя бы объясняет почти полное отсутствие друзей и такое количество легенд, которыми обросла моя скромная нефилимская персона.

И вот сейчас моей скромной нефилимской персоне нестерпимо захотелось съежиться и уползти в тенечек. И видит небо, первую часть спонтанного плана я, к своему стыду, исполнила. Хорошо еще, что с тенечком на полном огненных всполохов лайнере беда.

Я осторожно ощупала шею, но необычных ощущений не последовало, если не считать того факта, что связь произошла без моего желания. Еще один сбой? Или тщательно продуманная диверсия? Нет, серьезно, нельзя же быть настолько невезучей?

Или можно?

Сжала кулаки в попытке унять дрожь и медленно двинулась к своей подопечной.

А она пошла мне навстречу.

И клянусь, это были самые долгие минуты в моей жизни!

Я перебрала в карманах всю мелочевку, нервно поправила окончательно растрепавшийся пучок волос и накинула поверх капюшон. Затем сняла и снова надела, ощущая неприятную пустоту в черепашке, где, по идее, уже должен был созреть вполне сносный план моих дальнейших действий.

Так, спокойно, я знаю, что нужно делать. Четырех лет безупречной учебы и тщательной подготовки к предстоящей инициации явно более, чем достаточно, чтобы осуществить обычное сопровождение. Все просто: наблюдаем, охраняем, при необходимости завоевываем доверие и в целостности и сохранности передаем в руки Хранителя. Где бы его нелегкая ни носила.

Я закрыла глаза, сделала успокаивающий вдох и...

– Ты следишь за мной?

Я икнула от неожиданности, едва не осев на пол. Я видима? Но как такое возможно?! Я упустила какую-то Инструк-

цию? Незавершенное развоплощение? Неполладки с кармой или просто не мой день?

– Долго будешь молчать? – прищурилась моя подопечная, просканировав взглядом не столько мой силуэт, сколько пространство вокруг него.

– Извините, – я собрала все свое мужество и выдержку в кулак, который основательно так вспотел от стресса, – я не хотела вас смущать. Просто...

– Или я так тебе нравлюсь, что ты весь вечер глаз с меня неводишь?

– Что? Н-нет, вовсе нет! – от неожиданного заявления я даже стала немного заикаться. И злиться на себя за такое явное проявление слабости, для будущего Хранителя непозволительной.

Я выпрямилась, смело окинула Лорейн взглядом отличника, сдавшего подряд пять экзаменов экстерном, и открыла было рот для встречного возмущения, но...

– Умной и красивой девушке, как вы, полагаю, нет необходимости напоминать о том, что курение на круизном лайнере разрешено лишь в строго отведенных местах? – от мягкого мужского голоса, растекшегося прямо по моему затылку, волосы на оном зашевелились. Вместе с растрепанным пучком и наспех слепленной уверенностью.

Я испуганно отшатнулась в сторону и, наконец, сообразила, кому на самом деле предназначались вызывающие слова моей подопечной. Проницательный с хитринкой взгляд и

записная книжка в кожаном переплете в руках незнакомца вызвали во мне приятные ассоциации с умом и прилежанием в учебе, а потому, безусловно, к себе расположили. Но небрежный хаос темных волос, огромные наушники и торчащий из-под кожаного жилета край рубашки общее впечатление слегка подпортили, отравив интуицию ожиданием чего-то нехорошего.

– Тебе это доставляет беспокойство? – потратив всего минуту на оценку своего собеседника, насмешливо уточнила Лорейн.

– Не мне. Вы подаете плохой пример подрастающему поколению, – в мягком голосе незнакомца появились холодные нотки. Но еще холоднее стало мне, когда он пронзил внезапно полыхнувшими изумрудами глаз меня насквозь, отчего по телу прошла еще одна жаркая волна, сродни той, что обеспечила меня связью с моей подопечной. Я даже машинально ощупала шею, но новой отметины там не появилось.

Я шумно вздохнула и попятилась. Лорейн тоже оглянулась и удивленно поводила глазами по палубе судна, не удостоив меня взглядом, как и полагается порядочному смертному, не могущему видеть Небесных.

– Кого ты имеешь в виду? – было видно, что Лорейн крайне заинтересована в продолжении беседы, но отчего-то очень не хотела этого показывать. И для пущей убедительности своего холодного образа она снова поднесла дымящуюся сигарету к губам.

– Это же очевидно, дитя мое, – и с этими словами незнакомец перехватил сигарету у самого ее лица и сжал в кулаке. И даже глазом не моргнул, продолжая сверлить девушку взглядом, пока я таким же взглядом сверлила его кулак, из которого все еще шел дым.

– Психопат, – фыркнула Лорейн и поспешила прочь, поставив точку в разговоре.

Психопат задумчиво посмотрел ей вслед и покачал головой. А я все еще надеялась отодрать свои враз отяжелевшие ноги от палубы, а заинтересованный взгляд – от незнакомца, и поспешить за своей подопечной. И мне это почти удалось.

– Тоже считаешь меня психопатом? – он повернулся ко мне, всего одним насмешливым вопросом перевернув весь мой бесхитростный мирок.

Один из Небесных! Он действительно меня видит! И видел с самого начала представления. И мои ужимки тоже? О небо!

– Н-нет, не считаю – неубедительно отозвалась я, опустив капюшон и пытаясь пригладить многострадальный пучок, чем растрепала его окончательно. – Ты нормальный, – зачем-то добавила. Видимо, для убедительности, но едва ли это сработало.

– Тогда почему протираешь на мне дыру вместо того, чтобы следовать за подопечной? – его взгляд внезапно стал холоден, как воды Арктики, а стальной голос царапнул все мое сжавшееся от страха естество.

Но в то же время полный надменности голос отрезвил, выхватив из лап неуверенности и страха, и я гордо выпрямилась.

– По-моему, это не тебе решать.

– Не мне, говоришь? Не умеющему держать себя в руках нефилиму никогда не стать Хранителем. Запомни это, пучок. Запомни, возвращайся домой и больше никогда не беришься за то, что тебе не по силам.

И он, опалив меня напоследок зеленым огнем глаз, поспешил к корме судна. А я...

Я осталась наедине со сломленной гордостью, тяжесть которой стала внезапно непосильной.

Днем ранее

Теплый весенний ветерок пронесся по аскетично обставленной небольшой кухоньке и за неимением каких-либо занавесок зашелестел страницами пухлого файла, что сосредоточенно перелистывал темноволосый молодой мужчина, голову которого венчали огромные бордовые наушники. Полностью погруженный в документы и оглушенный музыкой, он был отрезан от внешнего мира, который готовил ему сюрприз в лице незнакомца, тихо затаившегося позади.

– Я подготовил тебя практически всему, что знал сам. Но дверью пользоваться, к моему великому сожалению, так и не научил, – едва слышно сказал темноволосый, с досадой захлопнул файл, снял наушники и повернулся к только что

вошедшему. – Чего тебе, дуралей?

Натаниэль застыл посреди кухни и улыбнулся, позабыв, что его невинный облик слегка портит протянутая к мисочке с фруктами рука, вдоль и поперек украшенная разномастными пластырями.

– Да вот, проведать прилетел, – как можно более беззаботно произнес противник дверей и убрал руку. – Как дела, Лион?

– Явно лучше, чем у тебя? Что с рукой? Опять проблемы с осами на балконе?

– С одной. Жалит почище скорпиона, – недовольно отозвался Натаниэль, нежно придерживая основательно подпухшее запястье. Тут его взгляд скользнул по файлам, которые минуту назад перечитывал его бывший куратор, а затем на холодильник, цвет которого был практически неидентифицируем из-за огромного множества размещенных по всему его периметру фотографий, газетных вырезок и подозрительного вида магнитов, создающих ощущение, что это холодильник крепится к бумагам, а не наоборот. – Только не говори, что ты все еще не оставил эту затею.

Лион молча сгреб со стола все файлы и фотографии и, аккуратно сложив в папку, поместил последнюю в черный кожаный портфель, тоскливо подпиравший на угловом диване единственно нетронутую многолетними опытами потрепанную подушечку цвета мокрого асфальта, на которой так любил «просиживать школьные штаны» Натаниэль в ожида-

нии, пока куратор не усыпит его очередной порцией наставлений перед практическим заданием. Правда, это было еще до того, как некогда голубая подушечка приобрела нынешний малопривлекательный облик, а все видимые кухонные поверхности стали обрастать газетной бумагой и обрывками блокнотных листов с пометками.

Лион подошел к холодильнику и выудил оттуда две пластиковые баночки, одну из которых бросил собеседнику. Натаниэль ловко поймал баночку, с треском открыл и, отпив глоток, поморщился.

– Газировка. А себе, небось, Грейл оставил.

– Не дорос еще алкоголь употреблять, – довольно хмыкнул Лион, поднес баночку ко рту, но пить не торопился.

– А ты подал бы пример, – хитро блеснул голубыми очами Натаниэль. – Или пытаешься заглушить волнение перед каким-нибудь очередным заданием?

– Не вижу причин для беспокойства, – пожал плечами хозяин квартиры и отставил «Grale» на кухонную рабочую поверхность.

– А вот это ты зря, – зловеще провыл Натаниэль. – Мало ли сколько загадок и опасностей может таить в себе круизный лайнер «Лунная Лилия».

– Так хочется в отпуск? Забудь, скоро аттестация, – поддел Лион и посерьезнел. – Что за лайнер?

Натаниэль не спешил отвечать, явно наслаждаясь тем фактом, что в кои-то веки всезнающий куратор спасовал пе-

ред своим стажером, пускай и бывшим. А затем нарочито долго и шумно повозился в своем рюкзаке и, выудив оттуда алую папку, победно потряс ею в воздухе.

– Тебя назначили ментором. Поздравляю.

– Этого только не хватало. Чье распоряжение? – окинул Лион недовольным взглядом папку в руках ангела.

– Совета.

– Снова эти бездельники лезут, куда не просят, – процедил сквозь зубы Лион, но тут же спохватился и, взяв себя в руки, уже спокойно уточнил. – Очередной зеленый ангел с мечтами о светлом будущем подал заявку на инициацию?

– Нефилим вообще-то, – поправил блондин, внимательно глядя на бывшего куратора.

Лион присвистнул, на что Натаниэль хитро прищурился.

– Кого-то напоминает? Помнится, был один нефилим, лучший на своем потоке, который из кожи вон лез, чтобы стать выдающимся выпускником Института, инициироваться и прорваться в Хранители. И ведь ему это удалось! – Натаниэль позволил себе медленно прогуляться по кухне и, украдкой положив прямо перед куратором папочку и распахнув ту аккуратно на страничке с фотографией новоиспеченной подшефной, продолжил. – Он стал первоклассным Хранителем, профи в своей области, о котором слагались легенды и которому поручались самые ответственные задания.

Внезапно Натаниэль осекся, бросив быстрый взгляд на по-смурневшего собеседника.

– Ты не закончил, – хмуро заметил Лион, прислонившись к холодильнику. – О том, как этот Хранитель завалил миссию, допустив жертвы. О том, как его разжаловали. Договаривай, чего уж.

– Мы с тобой прекрасно знаем, что в том не было твоей вины, – нервно запротестовал Натаниэль, уже пожалевший, что вообще завел этот разговор. – Ты не проваливал задание – тебя отозвали.

– И я ушел. И оставил свою подопечную. Напомни-ка мне, что с ней случилось?

– Перестань! Поступил приказ Совета и...

– Я! Оставил! Подопечную! И она погибла, – зло сплюнул Лион и, отвернувшись, уперся двумя руками в рабочую поверхность стола, на котором внезапно подскочила баночка «Grale» и, со всего маху ударившись в потолок, плюхнулась хозяину под ноги.

В комнате повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь тихо пузырящейся на полу жидкостью да веселым птичьим щебетом за окном, звучащим не иначе, как насмешка.

– Технически, – осторожно начал ангел, не сводя глаз с быстро пустеющей баночки на полу, – на момент гибели она уже не была твоей подопечной и...

– Я совершил непростительную ошибку, недопустимую для любого Небесного. Технически, – Лион повернулся к собеседнику, и последний поразился черноте, разлившейся в некогда зеленых газах бывшего куратора, – я вообще больше

не являюсь таковым.

– Тебя никто не изгонял. Ты сам отрекся от статуса Хранителя.

– Потому что наш доблестный Совет не в состоянии взять на себя ответственность в страхе запятнать честь своих крыльев, не разумея, что пятна уже давно въелись глубоко и основательно.

– У нашего Совета пятен и без тебя хватает с избытком, – недовольно махнул рукой Нил. – То была ошибка Совета, не твоя. И все с этим согласны.

– Кроме меня. Но больше я этого не допущу.

– О чем ты?

– Статус Хранителя должен быть действительно заслужен, – Лион протянул руку к подвесному шкафчику с зеркалом, но открывать его не спешил, мрачно всматриваясь в свое зеркальное отражение. Мужчина осторожно прикоснулся указательным пальцем к стеклу, по которому тут же расплзлись в разные стороны черные дорожки, минуту спустя сложившиеся в эскиз миловидной, но печальной девушки.

– погоди, ты ведь не собираешься... – из-за его плеча показалась всклокоченная голова не в меру любопытного стажера, который на свою беду узрел в отражении злорадную ухмылку бывшего Хранителя. Ухмылку, явно не предвещавшую ничего хорошего.

– Я покажу доверчивой малышке всю неприглядную изнанку нашего несовершенного мира, в непоколебимость ко-

того, полагаю, она искренне верит. Как и в справедливость, которой нет. Привилегию брать на себя ответственность за жизнь нужно заслужить. И если ее желание стать Хранителем заключается лишь в получении вожеленного статуса – отправлю нефилима домой первым же рейсом.

Зеркало под ладонью Лиона треснуло, испещрив прекрасный лик незнакомки уродливыми шрамами. Натаниэль при свистнул, не в силах оторваться от полыхнувших в отражении изумрудным огнем глаз куратора.

– Да ты монстр.

– Отнюдь. Всего лишь ментор.

Что-то в едва уловимо изменившемся голосе да и во всем облике Лиона насторожило Натаниэля, уже протянувшего опухшую кисть к вазочке с фруктами. Всего секунду они смотрели друг на друга, а затем стажер резко отдернул руку – и вовремя: вазочка, лихо щелкнув стальными зубами, захлопнулась, скрыв в капкане нетронутые фрукты.

– Да ты... да вы... Вы с ней... – возмущению вмиг побледневшего Натаниэля не было предела. – Вас, нефилимов, что, в дикой природе среди крокодилов и змей выращивают? Вы всех так ненавидите или только ангелов?

– А-а-а, – понятиливо протянул Лион, с удовольствием поглядывая на реакцию блондина, – так тебе сегодня и от твоей скорпионши досталось?

– Тогда тебе будет интересно узнать, что моя скорпионша – и есть тот самый нефилим, над которым тебе поручили

шефство.

– Да? Она мне уже нравится, – довольно хмыкнул Лион, облачившись в длинный серый плащ, все это время терпеливо дожидавшийся своего хозяина на диване. – Статус Хранителя ей, конечно, не светит, но, думаю, мы с ней поладим.

– Думаю, ты должен знать о ней еще кое-что.

– По ходу дела разберусь. Вряд ли есть что-то еще, что способно меня удивить.

И Лион поспешил к выходу, даже не удосужившись заглянуть в алую папку, которую пренебрежительно оставил на столе сиротливо шелестеть страницами. Натаниэль бросил задумчивый взгляд на треснувшее зеркало, затем подошел к столешнице и бережно уложил папку в свою сумку.

– Поверь мне, Лион, тебе все же придется удивиться.

Меня несло по невообразимо длинному и переполненному белым светом коридору и распирало от... злости? Довольно непривычное ощущение, если я смогла его правильно идентифицировать. Чувства, что позволяла доселе испытывать моя нефилимская сущность, как правило, не выходили за рамки досады или легких уколов раздражения. Но сейчас я отчетливо ощущала, как в моей бесплотной груди клокочет пламя, которое способен заглушить лишь изуверский способ расправы с надменным Хранителем. Разумеется, я понимала, что на лайнере, способном вмещать до двух тысяч пассажиров, столкновения с Хранителями мне не избежать, но

искренне надеялась, что мое с ними общение ограничится лишь кивком. Ну и, что греха таить, справедливо удивленным взглядом с их стороны: не каждый день увидишь нефиллима, которому одобрили самостоятельное сопровождение.

И ведь я почти что смирилась с откровенно наплевательским обеспечением моего задания, которое повлекло за собой ошибки в исполнении. Но этот Хранитель, будь он неладен, стал последней каплей, расплескавшей мою чашу терпения!

Так, успокоиться и забыть. Самочувствие и состояние моей подопечной для меня гораздо важнее. Кстати, о ней.

Я внимательно осмотрела каюту, куда незаметно для меня самой привела наша с ней связь. Довольно уютно и даже просторно, не чета той каюте, что мне была уготована щедрым руководством. Телевизор, двуспальная кровать и даже балкон, настолько по моим неприхотливым меркам огромный, что там вполне можно было бы устроить небольшое суаре.

Единственной вещью, которая не вписывалась в общую картинку, были книги, разбросанные по кровати в изящном хаосе. Я с любопытством склонилась над кроватью: «Криминалистическая психология», «Записки судмедэксперта», «Основы криминалистической тактики судебного допроса».

Я озадачено почесала затылок: к своему стыду вынуждена была признать, что, несмотря на тщательное изучение привычек и стандартов поведения смертных, не так я себе представляла человеческий отпуск. И переполненные празд-

но шатающимися гостями прогулочные палубы, несмотря на довольно поздний час, живое тому доказательство.

Пока я лихорадочно выискивала в памяти необходимый параграф о психологии человеческого поведения, из ванной комнаты вышла представитель этой непонятной мне психологии и, погремев в минибаре, расположился на кровати среди книжных сокровищ. Я задумчиво смотрела, как Лорейн в махровой пижаме с удовольствием потянулась на белоснежных простынях, затем поднесла к губам запотевший стакан с янтарной жидкостью, в которой позвякивали ледяные кубики, и погрузилась в чтение; смотрела и думала, что, очевидно, даже отличные оценки не дают необходимого уровня знаний, достаточного для того, чтобы на практике не приходилось удивляться на каждом шагу.

Меня начал тихонько, но с хищным упоением подтачивать червь сомнения. И пока этот душегрыз не разросся до неприличных размеров, я поспешила к выходу с твердым намерением найти свою каюту, куда служащие, по идее, должны были доставить мой рюкзак, в котором покоилось ожидавшееся более тщательного изучения дело моей подопечной. Правда, буквально через несколько секунд я сообразила, что до сих пор не знаю не то что номера своей каюта, а вообще того, выделен ли был для меня таковой.

Нет, я вполне могла обосноваться в номере своей подопечной, учитывая тот факт, что развоплощенным не нужны ни еда, ни сон. Но я-то собиралась выполнить задание

по всем правилам, дисциплинарным канонам и с полным воплощением, если таковое потребуется. А воплощаться в коридорах и туалетах было не только неудобно, но и, как минимум, небезопасно.

Я горестно вздохнула, не без труда нашла в настройках ингибитора отметку «Выполнение базовой миссии» и, выдохнув, прикоснулась к роскошному зеркалу в коридоре.

Знакомый вихрь, головокружение и жесткое приземление вызвали острое ощущение дежавю. Тем сильнее оно оказалось, когда я, осторожно поднявшись на ноги, узрела до боли знакомую сумку в узком пространстве мрачной каюты.

– Seriously? Опять?! – спросила я пустоту.

И на сей раз пустота мне ответила.

– Кто здесь? – раздался мужской голос из душевой.

– Твою!

Я бросилась к зеркалу и, разумеется, снова уперлась похолодевшими пальцами в стекло, покрытое сероватым налетом, после чего испуганно заметалась по каюте, изящно спотыкаясь и путаясь в собственных ногах.

Дверь!

Я лихо перемахнула через сумку и даже смогла приблизиться к выходу на расстояние вытянутой руки, но тут дверь в санузел распахнулась, отрезав столь вожделенный путь и одновременно явив моему взору голый мускулистый торс незнакомого мужчины. Ну, или почти незнакомого.

Я подняла взгляд и тихонько застонала, узнав, что хозя-

ином вымытого тела является не кто иной, как тот самый надменный Хранитель, о существовании которого последние полтора часа я тщательно старалась забыть.

Судя по его взгляду и убийственному молчанию, радость от встречи была взаимной.

– Милое... полотенце, – жалобно отозвалась я. И захлопнула дверь перед самым его носом.

А затем, для пущей надежности, еще и плечом подперла.

– Пучок? Ты что здесь делаешь? – донеслось по ту сторону ада.

– Я не знаю, – заскулила я и уперлась правой ногой в противоположную стену, благо размеры каюты это позволяли.

– Открой дверь.

– Не-е-ет! – взревела я так отчаянно, словно от этого зависела, по меньшей мере, моя жизнь.

– Ты не сможешь жить вечно под дверью, – на удивление спокойно отозвался пленник санузла, даже не пытаясь обрести свободу. Несмотря на мои отчаянные попытки этому воспрепятствовать. – Особенно в воплощенном виде. Рано или поздно тебе придется меня выпустить.

– Сначала оденься, – запротестовала я, упершись в противоположную стену уже двумя ногами.

– Как, по-твоему, я это сделаю? – иронично спросила дверь. – Предлагаешь душевой шторкой обмотаться?

Я живо представила сие действие и едва удержала трансформацию просто истерики в истерический смех. Отлич-

ное, просто замечательное завершение первоблиннокомового дня!

– Пучок, ты еще здесь?

– Не зови меня так!

– А как тебя звать?

– Эль.

– Как пиво? По-моему, пучок лучше звучит, не находишь?

– Ты хочешь там умереть? – неожиданно я разозлилась. На Хранителя, воплотившего в себе все пренебрежение, с которым мне довелось столкнуться за свое недолгое нефилимово существование; на Совет, чья законотворческая деятельность существенно осложняла жизнь тем, кто не был рожден ангелом; на себя, кто, несмотря на свои несомненные успехи в учебе, за один день успела натворить дел больше, чем Натаниэль за все годы обучения.

Я-то считала себя готовой ко всему! И спасовала перед обнаженным Хранителем. Ну ладно, почти обнаженным.

– Ты хоть знаешь, кого заставляешь мерзнуть? – выдернул меня из размышлений насмешливый голос.

– Удиви меня, – с вызовом бросила я и отошла от двери, поскольку до меня, наконец, стала доходить вся несуразность сложившейся ситуации. Да еще это не пойми откуда взявшееся головокружение и беспричинная спутанность сознания! Что за очередная реакция человеческого тела?

– Лион Рид, Ловчий третьего разряда и по совместитель-

ству твой ментор, – представился санузел, а у меня подкосились ноги, и я рухнула... Эх, хотела бы я сказать, что на пол, но это было не так.

Такой подставы я уж точно не ожидала!

Разумеется, я понимала, что отправлять стажера на землю без присмотра как-то не принято, если не сказать больше – чревато неблагоприятными последствиями. Но все же слащавые речи куратора о моей успеваемости и идеальное академическое резюме не могли не вселять надежду, что меня действительно заметили и выделили, доверив пуск и простое, но все же самостоятельное задание.

Ан нет, оказалось я просто не дослушала до того момента, где говорилось об ожидающем меня менторе, у которого, исходя из нашего короткого знакомства, с благодушием и доброжелательностью явные проблемы.

И я заперла его в душевой! Предварительно как следует в него по«ты»жав и пригрозив расправой.

Какой там блин комом?! Настоящая катастрофа!

Я уже практически видела, как ректор расписывается в моем заявлении под фразой *«Инициация – не пройдена»*, а потому не сразу сообразила, что уставшая мерзнуть катастрофа решила взять ситуацию под контроль и войти в каюту.

– Ну что ты, не вставай, – я вздрогнула от пронзившего все мое естество насмешливого тона, но оторвать взгляд от собственных кроссовок была не в силах. – Кстати, пока си-

дишь на моей сумке, не сочти за трудность и передай мне, пожалуйста, ремень. Он в крайнем правом кармане должен лежать.

Лион тем временем спокойно подошел к двухъярусной кровати, расположенной справа от меня, и, судя по шуршанию и мелькнувшему в моем боковом поле зрения куску джинсовой ткани, принялся одеваться.

Я довольно быстро нашарила искомый предмет внутри сумки, но кое-что меня насторожило. Осторожно приподняв правый край сумки, я с ужасом обнаружила весело журчащий ручеек, лихо устремившихся из темного пятна прямо на пол капель. Теперь хоть понятно, что за треск раздался в сумке, когда я на нее взгромоздилась. В моем воображении ректор под фразой «*Инициация — не пройдена*» аккуратно вывел «*без права передачи*» и заверил все это дело печатью.

– Что-то не так? – подозрительно уточнил Лион.

– Нет, – быстро ответила я и, все еще не глядя на своего ментора, протянула ему ремень, попутно предприняв попытку как можно незаметнее затолкать подтекающую сумку под прикроватный столик.

– Итак, уважаемая претендентка на статус Хранителя, что мы имеем? – наконец заговорил Лион, и у меня все внутри перевернулось. – Неустойчивое психическое состояние, безответственное отношение к заданию в общем и к подопечной в частности, и это не говоря уже о страсти к закрытым дверям. Почему ты, кстати, просто не вышла из каюты, что-

бы дать своему ментору возможность одеться?

Я принялась переминаясь с ноги на ногу, все еще надеясь скрыть свои осторожные попытки убрать сумку подальше от глаз ее хозяина. И совершенно не замечая, как под одной остается предательский мокрый след, словно из-под огромного слизняка.

– Почему я должна выходить из СВОЕЙ каюты? – в этот риторический вопрос было вложено столько самообладания и невозмутимости, сколько я не вкладывала ни в один экзамен. И надеюсь, этого было достаточно, чтобы замаскировать рвущееся наружу отчаяние от осознания того факта, что меня и моего мучи... ментора поселили в одной не самой просторной и располагающей к доверительным отношениям каюте. Вот и как я ему теперь скажу о том, что не могу найти свой рюкзак, где бережно упакованы так необходимые любому воплощенному небесному очки, которые позволяют скрыть неестественный блеск глаз без дополнительных усилий и разбазаривания заряда, коего у нефилима-стажера и так в обрез?

А впрочем, если данный косяк можно записать в колонку «безответственное отношение к заданию», то хуже уже все равно не будет. По крайней мере, до тех пор, пока он не обнаружит свою тихо писающую сумку.

– То есть наилучший выход в сложившейся ситуации для тебя – это запереть своего ментора в душевой, чтобы он там простудился, заболел и умер? Понимаю, нет ментора – нет

проблемы.

– Ну что вы, разумеется, нет! – я все же осмелилась взглянуть своему мучителю в лицо, скрестив алый блеск своих глаз с его изумрудным. – Я просто не хотела нарушать ваше менторское уединение.

Лион хмыкнул и потянулся к лежащей на кровати записной книжке. Той самой, которая привлекла мое внимание в нашу с ним первую встречу.

– Вот, значит, как. А я уж было подумал, что чем-то тебя смутил.

Я все больше сердилась, зато мой собеседник откровенно веселился, что-то быстро помечая в ежедневнике.

И видит небо, он был всего в одной ироничной шутке от самого непечатного эпитета, который хранился в моем лексиконе как раз для подобных случаев. Но тут мой взгляд выпирнул в самом дальнем и темном углу багажной полки свой рюкзак, и, не медля больше ни секунды, я поспешила к нему.

– Для этого понадобится нечто большее, чем полотенце с кактусами, – с досадой бросила я, попутно вынимая спасительный футляр.

Быстро нацепив очки на нос, выскочила в коридор в надежде, что этот день все же когда-нибудь закончится.

И только за дверью до меня постепенно дошло, что последняя фраза, возможно, стала увесистым таким кактусом на могиле моей инициации.

Далеко уйти мне не удалось. Побродив по прогулочной палубе под звездным небом, я с досадой ознакомилась с еще одним малоприятным человеческим ощущением, заставляющим все мое тело непроизвольно вздрагивать всякий раз, когда его обдувал морской ветер.

Я ужасно замерзла и сделала миниоткрытие, что переминовение с ноги на ногу и потирание рук в этом деле совершенно не помогают. Неудивительно, что на открытой палубе в этот час было так малоллюдно. В каюту после произошедшей перепалки возвращаться очень не хотелось. Впрочем, как и предпринять попытку согреться внутри шумных баров и ресторанов, которые, как выяснилось, в половине первого ночи жили бурной, не вполне адекватной и совершенно непредсказуемой жизнью.

Такой же жизнью, судя по ощущениям, жили и мои внутренности, попеременно то вытанцовывающие сальсу, то подкатывающие плотным комом к горлу. Вдобавок, меня слегка качало и совсем не слегка укачивало, создавая в голове мешанину из мыслей, воспоминаний и желания послать это задание к какой-то там матери. Вместе с противным ментором.

Я с досадой распустила пучок, справедливо решив, что так станет теплее хотя бы моей шее, на что ледяной ветер насмешливо сдул все волосы мне на лицо. Тихо ругаясь и сплевывая, я снова собрала шевелюру в пучок, но завязать не успела.

– Оставь. Так тебе идет больше.

Я вздрогнула и сквозь густую пелену выроненных от неожиданности волос разглядела довольное лицо своего ментора, удобно устроившегося спиной на перилах буквально в двух шагах от меня. Моя продрогшая гордыня завистливо покосилась на его черную куртку, края которой призывно развевались на ветру. Внезапно в памяти вспыхнула неприглядная картина нашего первого знакомства, от которой мои внутренности из сальсы перешли в плавно распирающий изнутри балет.

– В таком виде к тебе не подойдет ни один Искуситель, что обеспечит полную безопасность для твоего подопечного. Чем не стратегия?

– Так себе стратегия, – едва слышно сказала я и предприняла еще одну попытку собрать воедино растрепавшиеся на ветру волосы. Попытка успехом не увенчалась, затолкав мое подмерзшее настроение в самые недра беспросветного отчаяния.

– Полное пренебрежение советами старшего по статусу – так себе попытка стать Хранителем.

Я почти заскрежетала зубами, пытаясь придумать достойный ответ, который поставит Лиона на место, но при этом не откинет меня в самый конец списка претендентов на инициацию. Эта попытка тоже успешно провалилась, как и желание прогнать непрошенное видение о кактусах: по какой-то совершенно непонятной мне причине воспоминание о нагом торсе моего ментора не давало мне покоя, нарушая этот са-

мый покой где-то в районе живота. Да что же это со мной такое?! Мутит, знобит и качает так, словно я... выпила?

Ну конечно!

Я едва сдержалась, чтобы не хлопнуть себя по лбу от внезапной догадки – алкоголь! Я же сама видела, как моя подопечная решила скоротать сегодняшний вечер в компании крепкого напитка и книг!

С облегчением выдохнула: мой ментор и доставучие воспоминания о нем, как выяснилось, здесь абсолютно ни при чем! Все дело в нашей с Лорейн связи, позволяющей мне всегда быть в курсе самочувствия моей подопечной. В данный момент не самого лучшего, надо признать.

– Зачем ты хочешь стать Хранителем? – внезапный вопрос моего ментора, о котором я успела слегка подзабыть, меня озадачил, если не сказать больше – ввел в ступор.

Я подозрительно покосилась на собеседника, который, к моему удивлению, все это время внимательно рассматривал звездное небо.

– Это моя мечта, – просто ответила я, не желая вдаваться в подробности психологически ничем не подкрепленного желания доказать всем и каждому, что нефилимы способны на куда большее, нежели пребывать в вечном служении у ангелов.

И только сейчас задумалась, что на самом деле значит для меня это желание.

– Мечта, говоришь? – задумчиво протянул ментор, все

еще не отрывая взгляд от бесконечной мерцающей пустоты. – Мечта, значит... Мечтаешь отдать все свои чувства и эмоции в обмен на вечное существование в виде человеческой тени, которая позабудет навсегда, что такое свобода? Мечтаешь взять на себя полную ответственность за жизнь человеческую, вверив при этом свою жизнь в руки своенравной системы? Мечтаешь стать жалким подобием марионетки? Такова твоя мечта? Или же просто жаждешь заполучить статус Хранителя? – с этими словами он пронзил меня зеленым огнем насквозь.

Я твердо выдержала его взгляд.

– А вы проверьте, – тихо ответила я и, стараясь подавить дрожь в теле, поспешила убраться подальше от пронизывающего холода северного ветра и изумрудных глаз.

– Что ж, нефилим, – донеслось мне вслед, но повернуться я не рискнула – и напрасно: мне на плечи внезапно опустилась тяжелая, но божественно теплая мужская куртка. – Посмотрим, на что ты способна ради мечты. Возвращайся в каюту и подготовься – для предстоящей инициации тебе понадобится нечто большее, нежели отчаянное желание и непомерные амбиции. Так просто ты не отделаешься, – прошептал Лион мне на ухо, отчего по моему телу прошла очередная волна дрожи. И очень надеюсь, что эта дрожь всего лишь была следствием общего переохлаждения организма и связи с моей подопечной, чьи самоощущения все еще оставляли желать лучшего.

– И пучок, – опередив меня на порядочные двадцать шагов, Лион внезапно обернулся и широко улыбнулся. – Минус пять пунктов за испорченную сумку.

Проклятье!

Глава 2

Новый день встретил меня... правильно, никак. А как еще я могла понять, что наступил новый день, если в моей... ладно, в нашей каюте не было даже намека на иллюминатор?

Притащив поздней ночью в каюту внезапно отяжелевшее тело, я решила остаться воплощенной и удивить противного ментора превосходным знанием человеческой психологии. Если проще, я собиралась подружиться с подопечной. В этом не было прямой необходимости, но, как поговаривала молва, истинный Хранитель способен узнать все о своем подопечном в результате всего лишь одной беседы. А я собиралась стать истинным Хранителем, никак не меньше. Вот только позабыла три первостепенных требования к воплощениям: осторожность, предусмотрительность и внимательность к потребностям человеческого тела. Я-то забыла, а потребности в долгу не остались: зачитавшись в уютном мраке каюты характеристикой своей подопечной, я совершенно не заметила, как быстро меня сморило, после чего тело погрузилось в крепкий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.